

✓ Поздравляем!

Самобытный прозаик из Кулебак, Геннадий Перминов, занял первое место в Межрегиональном литературном фестивале среди членов ВОИ «СТИХИЯ Пегаса» в номинации «Не дай сломить себя ни людям, ни обстоятельствам» в жанре «Проза». О себе он как-то сказал: «Жизнь каждого человека разделяется на две половинки «до» и «после». До сорока лет я жил вполне нормальной жизнью. Счастливые по тем временам детство, армия, семья, работа... Это было «до»...

А «после»... Обрушение строительной панели, ампутация, смерть жены и одиночество. Но я категорически не хотел сходить с ума в пьяном угаре и, чтобы не быть обузой родным и друзьям, написал заявление с просьбой поместить меня в дом милосердия, где сейчас и живу.»

Мы от всей души поздравляем нашего постоянного автора и с удовольствием публикуем его новогодний рассказ.

До Нового года оставались считанные часы, когда у Настены Нестеровой, крупной и дородной женщины, начались предродовые схватки.

- Надумала, женушка, - беззлбно, скорее для порядка бормотал ее муж, Мишаня, пробираясь через свистящую, снежную круговерть к дому бригадира, где стоял телефон. - У всех бабы, как бабы и рожают, как положено, а моя, удумала, - он стряхнул снег с валенок куцым венником и вошел в чистенькую избу Петровича, который сидел за столом с чашкой чая и, разглядев вошедшего, удивленно поднял брови:

- Ты, чего, Мишаня?
- Так, позвонить бы мне. Жена моя, Настенка, рожать вздумала, - он протянул руку к стоящему на резной этажерке телефону.

- Связи с самого утра нет. И дороги все перемело, - Петрович с шумом отхлебнул из чашки и с сожалением посмотрел на понурившегося мужа. - Ты к Марье ступай. Хоть и болтают, что колдунья она, но травами она хорошо лечит. Ступай, - бригадир отставил чашку и удручающе покачал головой.

Сестра Настенки, знахарка и травница Марья, жила на другом конце деревни и Мишка потрусил к ней по занесенной снегом улице, освещаемой единственным, жалобно скрипевшем на ветру фонарем.

- Здравствуй, Марья, - Мишаня робко протиснулся в дверь небольшого домика и, встреченный суровым взглядом немногословной хозяйки, ступешавшей совсем.
- Настена рождает, а дороги перемело и связи телефонной нет, пролепетал Мишка и огустил глаза. Марья, молча, поднялась с широкой лавки, накинула полушубок, повязала теплую шаль и бросила через плечо:

- Пошли! - и широко зашагала по улице, так быстро, что Мишка едва поспевал за ней.

- Парня ждете, аль девку? - входя в дом к Нестеровым, Марья так резко остановилась на пороге, что Мишка ткнулся носом в ее широкую спину.

- Парня хотим, - пискнул Мишка, вытирая неволью выскокшие слюны.

- Воды приготовь, да тряпок чистых побольше, - Марья вошла в уютную переднюю и перекрестилась на образа.

- Здорово, сестра, - пробасила она и чистым полотенцем смахнула крупные капли пота, стехавшие по искаженному судорогой лицу Насти.

Мишка с трудом снял с испечка двухведерный чугунок, налил в таз воды и, разыскав ворох чистых простыней, вошел в комнату.

- Принес? - Марья легко приняла тазик, положила простыни на край кровати и вытолкала Мишку на кухню. - Сиди там, пока не позову, - она плотно прикрыла за собой дверь, а Мишаня сел на стул и обхватил голову руками.

Поженились они с Настей семь лет назад. Мишка, пригнавший вечером стадо деревенских коров, уныло брел по улице в свою одинокую лачугу, когда стоявшая у калитки Настя, кровь с молоком, молча взяла его за руку и силком затащила в свой

добротный, оставшийся после смерти родителей, дом. Налила большую чашку дымящихся щей, усадила за стол и, скрестив на груди руки, с любопытством наблюдала за тем, как он жадно и торопливо ест. Когда Мишка насытился и начал клевать носом, она постелила ему здесь же, на широкой лавке, уложила и, заботливо сняла с него разбитые сапоги. Так Мишаня и остался. Летом он пас коров, а зимой, работал на ферме. Настя трудилась продащицей в деревенском магазине. А еще уборщицей, грузчиком и сторожем в одном лице. Через месяц они распались.

Благодаря своевременному молчанию Насти, ее предрасположенности к созданию семейного очага, вкупе с Мишкиным добродушием и его патологической неспособностью кому-либо, в чем-то отказать, у них была идеальная семья. Вот только детишками Господь не баловал.

Когда, наконец, Настена сообщила Мишке о долгожданной беременности, тот, от неожиданности свалившегося на него счастья, загулял на несколько дней, опевшая всю округу о свалившейся на него радости. На исходе третьего дня, Настена разыскала своего благоверного в коровнике, со спокойной улыбкой взвалила его на плечо и под хохот дорярок, принесла домой.

- Хватит людей смешить. У меня уже два месяца срока. Не могу же я тебя по деревне таскать, - ранним утром, не повышая голоса, сказала она ему и, протянув кружку с рассолом, погладила себя по животу, а Мишке показалось, что на него вылили ушат ледяной воды. Вот тогда и пришла ему в голову мысль удивить женушку и своего, еще не родившегося сына подарком, да таким, чтобы все ахнули. В том, что у них будет сын, Мишаня не сомневался ни минуты.

Выбрав время, когда Настену уехала в район за товаром, он взял отгул и на рейсовом автобусе рванул за ней следом. Придя в магазин «Охотник и рыболлов» Мишаня долго стоял у витрины, с восхищением разглядывая различные блесны, морышки, блестящие спиннинги, не решаясь сделать окончательный выбор.

- Вам помочь? - вывел его из благоверной задумчивости звонкий голос и, подняв глаза, Мишка встретился взглядом с девушкой-продавцом, которая улыбалась смотрела на него.

- Нет, - он отрицательно качнул головой и, посмотрев чуточку в сторону, едва не вскрикнул от неожиданности. На стенде висели настоящие охотничьи сапоги, точно такие, какими он грезил в далеком детстве.

- А какие у вас есть размеры? - он взглядом указал на свою несбывшуюся мечту.

- Сапоги? Да, любые! - девушка непринужденно рассмеялась. - Вам какой размер?

- Вообще-то, я ношу 42 размер, - Мишка замялся. - Мне бы сыну, Ваське, - продавщица выжидательно смотрела на него, а Мишка, отчаянно махнул рукой и бухнул:

- Давайте 45-ый! На вырост! Так надежнее будет! - девушка быстро и ловко завернула покупку, тот расплатился, сунул сверток под мышку и, весьма довольный вышел из магазина.

«Мне не удалось, так хоть сын поносит! - размышлял он, направляясь к автостанции.

Приехав домой, Мишка спрятав покупку в дровяник и, каждый вечер, тайком, бегал проверять сохранность подарка.

Тряхнув головой, Мишка встал и прислушался. Из-за двери доносились прерывистые стоны жены, страдальческие всхлипывания и успокаивающий голос Марьи. Мишаня машинально посмотрел на часы. Полпервого ночи.

«Господи, что же они как долго-то, - неожиданно из комнаты послышался пронзительный крик и сразу наступила тишина. Не на шутку испугавшись, Мишка бросился к запретной двери, но, вспомнив суровое лицо Марьи, отпрянул назад и грохнулся на колени перед иконой Николая-чудотворца, неумело крестясь и что-то шепча онемевшими губами. Ну не знал он ни одной молитвы. С детства.

Дверь распахнулась и из полумрака комнаты возникла улыбающаяся Марья, с попискивающим младенцем на руках.

- Держи, папаша, полюбуйся на своего богатыря, - она протя-

нула сына Мишке.

- Ты, что, сдурела? А если раздавлю! - Нестеров вскочил с колена и бросился в комнату, к жене. Та лежала спокойная и улыбалась с чувством честно выполненного долга. Марья подошла к кровати роженицы и, осторожно уложила ребенка к матери, к стене.

- Привыкнешь! С почином вас, молодежь! - Марья устало улыбнулась и принялась натягивать полушубок.

- Ой, бабоньки! - всплеснул руками Мишка. - Я ведь совсем забыл про подарок! - он бросился во двор и через несколько минут вернулся, по пути освободив сапоги от упаковки. С торжественным выражением лица Мишка вошел в комнату и горделиво выдохнул:

- Вот! - он вытянул руки вперед и прикрыл глаза, ожидая восторженных криков и, естественных в таких случаях похвал. Но, в комнате стояла тишина, нарушаемая ровным сопением ребенка.

- Это, что? - Марья громко икнула и неуверенно ткнула пальцем в сапог.

- Подарок. Сыну, - Мишка выходил из эйфорического состояния, растерянно хлопая глазами. - На вырост купил, - постепенно падая духом пролепетал он.

- Са-по-ги! Сы-ну! - протянула Марья и вдруг захохотала, да так оглушительно, что задрожали хрустальные подвески на люстре, а успокоившийся было ребенок возмущенно закричал и, непонимающе захлопал глазенками-пуговками.

- Ладно, пойду, - Марья резко оборвала смех, поднялась со стула и накинула на голову шаль. - Разбирайтесь сами. И с подарком, и с сыном, - она, улыбаясь и покачивая головой направилась к выходу.

- Ты, заходи, сестренка, - негромко произнесла вслед Настена.

- Да уж, придется. Парень-то,

крестник мой теперь, - она вышла, а Мишка продолжал стоять посредине комнаты, виновато глядя на жену.

- Я что-то не то купил? - с дрожью в голосе спросил он и положил сапоги на стул.

- То, конечно, то. Иди ко мне, - прошептала Настя, и Мишка бросился к ней, встав перед кроватью на колени.

- Ты у меня самый лучший и самый заботливый муж, - Настена нежно провела по Мишкиной щеке горячей ладонью.

- Правда?

- Конечно! Включи гирлянду, да выпей маленько. Новый Год все-таки!

Мишаня включил разноцветные лампочки, налил себе полрюмки водки и, немного подумав, решительно поставил стопку на стол.

- Я больше не буду пить! Никогда! - твердо сказал он, почувствовав, что по настоящему стал отцом, главой семейства и ощущая, как на его плечи опускается приятная ноша ответственности. - А можно я к тебе лягу? - он доверчиво посмотрел на жену своими бесхитростными глазами. Настя улыбнулась, ободряюще кивнула ему и откинула руку в сторону, освобождая Мишке место. Тот юркнул под одеяло, свернулся калачиком и прижался носом к теплomu плечу жены.

- Миш, - Настена слегка пошевелилась. - А если бы девка родилась? Куда тогда сапоги-то девать?

- Ну и что, - сонно пробормотал Мишаня. - Следующий, все равно бы парень был. Вон, даже Марья с почином поздравила, а она врать не будет, - он провалился в глубокий и крепкий сон.

- Спи, родные, - Настена слушала сопение своих мужиков и думала, что это самый лучший Новый Год в ее жизни.

- У нас, обязательно все будет хорошо, - счастливо улыбаясь прошептала она.

Татьяна ФАЛАЛЕЕВА:

Из записных книжек. Медицинские приколы

Надо признаться, что шутница я была та еще, как говорится. Придя на работу в клинику, тут же начала придумывать «псевдонимы» нашим докторам.

Так, врач Георгий Гурганович с моей подачи стал Пургеном Пургеновичем, ибо обожал промывать желудочно-кишечный тракт обследуемого больным.

Один из хирургов другого отделения был переименован в Кефир Эфирьча (или, по желанию, в Эфир Кефирьча). Почему? Да однажды он попросил медсестру с поста сходить и принести ему эфир, а она не расслышала и пошла в столовую, купила кефир и вместе с сияющим стаканом любовно поднесла ему, чем несказанно изумила будущего Кефир Эфирьча.

Но шедевром моего искусства стал, изъясняясь на современном языке, ник старшей медицинской сестры нашего отделения, которую звали Агриппина Трофимовна. Тут же у меня родилась прекраснейшая замена ее имени-отчеству: Атропина Морфиновна.

Как-то подходит ко мне новый врач нашего отделения и спрашивает:

- Танечка, ма шер, скажите, сильвупле, как зовут нашу дражайшую старшую сестру?

- Атропина Морфиновна, - хитро прищурившись, ответила я.

Владимир Федорович зашагал к кабинету старшей, повторяя то, что услышал от меня. А я стояла и ждала, что будет дальше.

Вдруг он остановился, почесал ухо, обернулся и посмотрел на меня.

Я фыркнула и сказала:

- Агриппина Трофимовна, Владимир Федорович! Не запутайтесь, пожалуйста!

Скажу, что никто на меня не обижался. Ведь я же была великой шутницей, а шутки за рамки дозволенного не выходили.

А вот как я пошутила однажды под Новый год, вернее, в самую новогоднюю ночь, находясь на дежурстве. Девчонки были в курсе того, что я задумала, потому что вышел у нас спор.

Я заявила, что никто и в самую глубокую ночь не задержит незнакомого человека, пройди он хоть через все отделения.

Нарядилась в операционный костюм (брюки, халат, тапочки), повесила на шею фонендоскоп, на лицо нацепила небезызвестную маску - очки с усами и с носом - и отправилась в «рейд».

Беспрепятственно обошла всю клинику. Никто!.. Нигде!..

Самую яркую реакцию на мое появление я отметила лишь в дежурке у врачей.

Хирурги играли в шахматы. На стук двери оглянулись, увидели красный нос, черные усища, белую униформу и снова уткнулись в свои доски. Только один буркнул:

- А кто это? Интерн, что ли?

Да... Вот такие были спокойные времена... Террористами тогда еще и не пахло.